

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(9)

Ф. Р. МИНЛОС

РИФМОВАННЫЕ СОЧЕТАНИЯ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ. РЕДУПЛИКАЦИЯ И ПАРНЫЕ СЛОВА *

В материале, который рассматривается в данной статье, со структурной точки зрения выделяется по крайней мере три вида явлений: «парные слова» (устар. и диал. *кутить-мутить*)¹, мотивированная (*щурин-мурин* в песне) и немотивированная редупликация (*кохты́рь-нохты́рь* в загадке). Все они имеют одну общую черту, которая выглядит «внеструктурно»: состоят из двух элементов, объединенных рифмой. Совместное рассмотрение парных слов и редупликации вполне традиционно для конкретных описаний (в частности, в отечественном востоковедении). В целом существуют как формальные, так и семантические мотивы для их объединения; однако в рассматриваемых нами фольклорных текстах редупликация и парные слова несопоставимы с точки зрения семантики, так как семантика редупликации в этих текстах остается довольно неясной, а структура парных слов в целом вполне поддается семантическому осмыслению. Поэтому в основу нашего рассмотрения будет положено не семантическое, а очевидное формальное сходство редупликации с некоторыми парными словами, а именно рифмованность. Имеющийся материал объединяют в единое целое еще два факта: во-первых, сходные или одинаковые контексты использования этих сочетаний, во-вторых, существование таких промежуточных случаев, которые нельзя однозначно отнести ни к редупликации, ни к сочетаниям.

Парными словами называют синтаксически и семантически слитные сочетания вроде *поить-кормить*, *золото-серебро*, *сильный-могучий*, характерные для русского фольклора. Однако для наших целей важнее не специфическая синтаксическая реализация, а существование достаточно устойчивой пары, которая *может* реализовываться как парное слово. Поэтому наряду с собственно парными словами (например, *хитра-мудра*) мы будем рассматривать сочинительную реализацию тех же парных сочетаний (*хитрый да мудрый*).

* Статья написана в рамках проекта 10002-251/ОИФН-01/242-239/110703/1047 и при поддержке гранта РГНФ № 05-04-04-051а.

¹ Отсутствие ударения в части примеров обусловлено тем, что его нет в источниках.

Теоретическое исследование редупликации обычно отталкивается прежде всего от продуктивных процессов добавления к самостоятельно существующему слову его копии, иногда неточной или неполной, при котором модифицируется значение исходного слова (например, рус. разг. *бумажки-шмажки* ‘разные бумажки и что-то подобное; говорящий относится к ним с пренебрежением’ от *бумажки*). Этот случай определен в [Marantz 1982] как «двуплановое» (bimodal) явление (т. е. не поверхностное, а имеющее соответствие в плане означаемого).

От этого основного случая возможны отклонения. Естественно, сложнее (а для решения некоторых задач и совершенно излишне) анализировать такое в целом непродуктивное и нерегулярное явление, как слова, которые включают сегментный повтор, но при этом не произведены от какого-либо другого слова или морфемы (скажем, рус. разг. *тыры-пыры*). Для описания данного противопоставления, т. е. отличия *бумажки-шмажки* от *тыры-пыры*, будем пользоваться терминами мотивированная ~ немотивированная редупликация [Рожанский 2000: 345—346]. Кроме того, возможна незначашая (термин И. А. Мельчука) редупликация, когда с ней не связано никакое значение. У Мельчука речь идет о незначашей редупликации как морфонологическом чередовании при присоединении суффикса, однако наш материал ставит и другую проблему: фольклорная редупликация появляется только в текстах, в которых обычные слова теряют свою семантику и свободно чередуются с зауемью, и неудивительно, что и сама редупликация является там незначашей.

Таким образом, специфика нашего материала (наличие немотивированной и незначашей редупликации) заставляет выделять редупликацию как чисто поверхностное явление, как сегментный повтор. Кроме того, желательно, чтобы теория редупликации формально объясняла бы и существование сочетаний, удовлетворяющих той же фонетической модели, что и редупликация (рифмованные пары, в которых второй элемент начинается с губного, чаще всего с [м]). Иными словами, должно быть дано объяснение фонетической закономерности, общей для разных структурных типов. Одно возможное направление для такого объяснения — это аналогия. Например, Роман Якобсон предложил считать, что немотивированная редупликация и сочетания вроде *целует-милует* возникают по аналогии с мотивированной редупликацией [Якобсон 1979]. Другая возможность — описывать строевые сочетания таким образом, чтобы общее было обнаружено в самом их строении.

1. Парные слова и сходные сочетания. Для художественного текста форма актуальнее, чем для обыденного. Кроме того, фольклорный текст отличается своей формульностью, наличием большого количества устойчивых сочетаний; неудивительно, что такие сочетания могут в фольклорном тексте выступать как микротексты, построенные по определенным формальным законам. Подобными микротекстами являются и идиоматические сочетания обыденного языка. При этом для таких сочетаний, как уже

сказано выше, характерна не просто рифмованность, а еще и тенденция к употреблению в качестве второго элемента слов, которые начинаются с губных согласных. Ниже мы представим обзор материала, добавив к известным примерам некоторые не отмеченные ранее случаи.

Роман Якобсон в обширном примечании к статье об авангардной поэзии подытожил материал по рифмованным сочетаниям, который уже отчасти был собран в статье Н. Н. Дурново ([1902]); повторим основные его примеры: *жил-был, целует-милует, шатается-мотается, сею-вею, шила-мыла* (а также *шильце-мыльце*), *не трошь-не ворошь, калина-малина, Дарья-Марья, сусло-масло* [Якобсон 1979].

Пожалуй, традиционный сказочный зачин *жили-были* (которому посвящена целая монография [Ткаченко 1979]) является самым хрестоматийным примером не только рифмованного сочетания, но и вообще парного глагола в русском языке. Отметим, что существуют некоторые случаи использования этого сочетания в других контекстах, например в любовных севернорусских заговорах: *как рыба не может жить без воды, мертвец без земли, так бы и раб Божий Михаил без Анны не мог ни жить, ни быть* [Адоньева 1993, № 566, сходные тексты — № 560 и № 563].

В идиомах обыденного языка довольно необычно используются фольклорные устойчивые сочетания. Так, фольклорное сочетание *шильце-мыльце* (например, белоз., из детской игры *за шильце, за мыльце* [Морозов и др. 1997: 102]) имеет аналогию в рус. разг. *шило-на-мыло* и в диал. карельск. *шіло-мыло* ‘ничего’ [Герд, 3: 278].

Для парных сочетаний в русском фольклоре характерно наличие двух-трех, а иногда и больше сочетаний, первый элемент которых имеет одну и ту же основу (или корень): *спать-дремать ~ спать-почивать, биться-рагаться ~ биться-драгаться, бить-лупить ~ бить-ломить ~ бить-колотить ~ бить-ранить ~ бить-казнить, бежать-скакать ~ выбегать-выгребать, кричать-реветь ~ кричать-гикать ~ крик-вопливо; стукнуть-брякнуть ~ стучать-греть ~ стук-звон*. Это связано с семантической структурой сочетания: первое слово имеет обычно более общую семантику, а второе «уточняет» ее. В частности, среди рифмованных сочетаний можно отметить целую серию сочетаний с *шататься* в качестве первого элемента: *шататься-мотаться, шататься-болтаться, шататься-пытаться и шататься-валяться*. Довольно часто эти пары используются с отрицанием, например *не увидел старец он, Игренище, во всех четырех во сторонушках никаких людей: не шатаются-не мотаются* [Кирша Данилов, № 46, 288—289]. Сочетание *шататься-болтаться* в севернорусском заговоре связывает устойчивость столба с привязанностью коровы к дому: *Вот поставлен столб, крепко-накрепко, не шатаецы, не болтаецы, так и раба Божья ... должна этого хозяина или двора держаться, не шатаючи, не болтаючи, этого двора держацы* [Адоньева 1993, № 247]. Пара *шатать & валять* тоже встречается с отрицанием: разг. *ни шатко, ни валко, не шатайся-ка, сказал, не валяйся во полюшке, трава* [Соколовы II, лирич.,

№ 455], *ни кавыл ли трава, травушка шатайтца, што шатался, валялся задуша мой* [Киреевский, № 32].

Тут нельзя не упомянуть проблему вариативности в порядке следования элементов сочетания. В основном рифмованные сочетания, как и парные слова вообще, обладают характерным свойством «непереставимости» (ср. термин *irreversible binomials*, предложенный в статье [Malkiel 1959]). Однако, конечно, ситуация не такая стерильная, как хотелось бы, часто парные слова существуют в двух равноправных вариантах, различающихся последовательностью компонентов. Для рифмованных слов свободная вариативность менее характерна, так что, встречая «неправильную» последовательность *валять & шатать* (*ни валяй, ни шатай, мороз, сосну* [Киреевский, № 27]), мы имеем смелость просто назвать ее отклонением. Еще одним отклонением, видимо, следует признать *пышет & дышит* (тамб., в загадке *не пышет, не дышит* [СРНГ, 30: 271]), существующее наряду с более правильным фонетически *дыхнуть & пыхнуть* (*ни дýchнуть, ни пýchнуть* [ПОС 10: 87]).

Возвращаясь к сочетаниям с глаголом *шататься*, упомянем пару *шататься-пытаться*, известную из смоленских «волошебных» песен (вид колядок, исполняется в канун Пасхи). Это записи В. Н. Добровольского: *ишли-брели волошебнички шаталися пыталися* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, № 105]; *ишли-брели волошебники, Христос воскрес сын Божий, шаталися-пытаяся, к своему двору припытаяся* [Там же, № 109]; в СРНГ с атрибуцией «смол., 1890» приводится почти тождественный текст ([СРНГ, 31: 362]) и несколько иной его вариант: *яны идут, шатаются, шатаются, пытаются, того села великого, того села богатого* [СРНГ, 33: 202].

Сочетание существительных *калинка-малинка* известно прежде всего из песенных припевов вроде *калинка моя, малинка моя* [Соколовы II, хоров., № 368], *раскалинушка, размалинушка* [песня, Нолин. Вят., СРНГ, 34: 107]. Это сочетание не образует парного слова *калина-малина*, т. к. *калина* и *малина* не являются ни близкими синонимами, ни характерными представителями какого-либо множества; они скорее не сливаются, а противопоставлены в тексте: *ты, большой-ет сын, ссеки калинушку, а середний сын, ссеки малинушку, а меньшей-ет сын, ссеки рибинушку* [Соколовы II, рекрут., № 602], *на этом-то на кáмёшке кáлина растёт, на этой-то на кáлине мáлина растёт* [Соколовы II, обряд., № 138], *по мосточкам по калиновым, переводочки малиновы* [Там же, № 264]. В диалектной фразеологии и в этом случае находим устойчивое сочетание сильно переосмысленным — карельск. *в кали́ну да в мали́ну* ‘очень сильно, до алого цвета (о раскаленном железе)’ [Герд, 3: 192].

Самое частотное рифмованное сочетание прилагательных в русском фольклоре — это *хитрый & мудрый* с разными вариациями: *она хитрая была и мудрая* [Кирша Данилов, № 49, 303²], *а и нет меня хитрея-мудрея*

² Так как в имеющемся у нас издании строки не пронумерованы, после номера текста указан номер страницы.

[Там же, № 9, 90]; *хитра-мудра* [Болонев и др. 1997, № 9], в волог. загадке *хитру, мудру, недогадливу* [Шейн, СРНГ, 21: 18], в заговоре *хитрый да мудрый* [Адоньева 1993: 150]; другие морфологические варианты: *я-де тебе хитрея и мудрена* [Кирша Данилов, № 9, 91], *загадаю им загадку ни хитрую, мудрину, ниогадливую* [Киреевский, № 19: 22—23], *много хитрости, много мудрости* [Соколовы, обряд., № 78]. Рифма здесь неточная, но чередование [и] ~ [у] встречается в русских рифмованных сочетаниях, например в считалочных сочетаниях *квинтер-кунтар* и *титики мутики*, в имени сказочного персонажа *Сивка-Бурка* или в рус. разг. *зигзуг* (вариант литературного *зигзаг*).

Можно привести еще несколько рифмованных пар: *жарить & парить* (известно по крайней мере из строчки *цыплёнок жареный, цыпленок пареный*); карельск. *ты́каться да мы́каться* 'препариться' [Герд, 3: 277]; *шырчать, пырчать* (в загадке: *шырчит, пырчит, в итанах торчит, сверху-то залуилось, красным девкам полюбилося* (незрелый орех, Спасск. Казан., [СРНГ, 33: 198]). Конечно, приведенный здесь материал является лишь довольно случайной выборкой, однако едва ли более систематическое изучение тех или иных текстов сможет принципиально изменить общую картину.

2. Мотивированная редупликация. Чтобы описать соотношение основы и копии при редупликации, необходимо воспользоваться двумя независимыми признаками. Возьмем термины И. А. Мельчука (формальные определения, которые дает Мельчук, привязаны к очень специфическому для его системы понятию «редуликант», поэтому не приводятся здесь): редупликация может быть точной и неточной (копия имеет или не имеет сегментные отличия от основы), а также полной или неполной (копия полностью повторяет основу или усекается по просодическим причинам, как в рус. *бумажки-шмажки*).

Нильс Тан в самом начале своей монографии [Thun 1963], посвященной редупликации в английском языке, отмечает следующую терминологическую проблему. Есть два принципиально разных способа характеризовать такие слова, как *helter-skelter* или *tick-tack*: при одном возможном подходе их можно рассматривать как результат удвоения (doubling) простых единиц с изменением одной из фонем (или двух стоящих рядом фонем); при другом подходе подчеркиваются фонетические характеристики их соотношения: *helter-skelter* — это «рифмованное слово» (rime word), *tick-tack* — «аблаутное» (ablaut word). С одной стороны, термин «редупликация» позволяет рассматривать обсуждаемые слова наряду с точными повторами (*tick-tick*); с другой стороны, «редупликативные» термины (редупликация, удвоение, повтор) недостаточно специфичны, не подчеркивают существенные особенности (dominant features) рассматриваемых слов.

Неточность редупликации в рассматриваемых случаях, как и рифмованность, является конституирующей особенностью, поэтому в нашей работе можно довольно естественно отрывать неточную редупликацию от точной. Конечно, в русском фольклоре есть повторение целых словоформ

вроде *шел, шел*, но оно явно относится к ведомству синтаксиса и никак не затрагивает морфологию или морфонологию, а редупликацией называют преимущественно морфологическое / морфонологическое явление (повтор словоформ можно называть синтаксическим повтором). Тем не менее по крайней мере в одном месте граница между редупликацией и синтаксическим повтором оказывается прозрачной: а именно в зачинах апеллятивных фольклорных текстов, где неточная редупликация является вариантом точного повтора (удвоенного обращения).

В самом деле, в некоторых ритуальных фольклорных текстах обращения к адресату (например, к *коляде*) допускают не только обычный для зачина фольклорных апеллятивных текстов синтаксический повтор (вроде *Коляда, коляда!*), но и неточную редупликацию: *Калёда-малёда, // Дома ли хозяин?*.. [Померанцева 1973: 123]; влад. *Коледа, маледа, // где была?* [Тихонравов 1858: 3]; моск. *Коляда, маляда, // Пришла коляда...* [Ананичева и др. 2001, № 119]; *Киледа, миледа! Подай конец пирога*, Горох. Влад. [СРНГ, 13: 207]. Сходным образом в белорусской детской потешке: *ласячка-басячка, дзе была?* [Барташэвіч 1972, № 395] существует наряду с *ласачка, ласачка, дзе была?* [Там же, № 396]. В зачине святочной песни *усени* уже, возможно, не воспринимается как апеллятив, однако вариации те же: *Усени, ой усени... / Усени, усени...* [Ананичева и др. 2001, № 112, 120] ~ *Усени-масени!* [Там же, № 113] (ср. рефрен *Таусин, Маусин* [Болонев и др. 1997, № 83]). Что-то подобное обнаруживается и в русском разговорном языке, где наряду с шутливо-ироническим обращением *мусик* и его точным повтором *муси-муси* отмечены формы неточной редупликации *муси-пуси / муси-люси / музи-зюзи* [Елистратов 2000: 259].

При объяснении этих случаев можно пойти по диахроническому пути и предположить, что формы с неточной редупликацией здесь прямо происходят из форм с точным синтаксическим повтором, т. е. имеет место диссимилиация *коляда, коляда > коляда, моляда*, причем благодаря действию такого морфонологического механизма происходит некоторое «спаивание» двух элементов в одно слово (универсальный процесс «морфологизации», т. е. превращения отдельных слов в части слова, см. [Плунгян 2000: 34]). Мы бы, однако, не настаивали на диахронической реальности такого развития. В любом случае механизм диссимилиации является ключевым не только для объяснения подобных примеров, но и для объяснения неточной редупликации в целом.

С другой стороны, неточные повторы, благодаря своей неточности, напоминают словосочетания. Например, в сочетании *коляда-моляда* неточная копия *моляда* может переосмыслиться, в результате чего получается словосочетание *коляда молода*: *коляда молода / колида молода* [Болонев и др. 1997, № 11, 16], *коляда молода* [Бессонов 1868: 244]. А в заговорах обращение *чирей-чирей* варьируется с *чирей-вирей* [Адоньева 1993, № 493, № 494, № 496], *чирей-пырей* [ЗиЗП 16]: эти сочетания очень похожи на редупликацию, однако в случае в *чирей-пырей* довольно вероятно сочетание со словом *пырёй*, обозначающим разные виды травы (в случае сочетания

чирей-вирей, зафиксированного в Архангельской области, было бы довольно рискованно видеть во втором элементе рефлекс южнорусского *вырей* ‘волшебный южный край, райское место’). Такие сочетания в качестве апеллятивов довольно характерны для заговора, например обращение *чирей-Василий* [Адоньева 1993, № 490].

Примечательно, что в одном и том же тексте может быть представлено два варианта — вариант с неточной редупликацией *коляда-моляда* в начале и точный повтор *коляда, коляда* в середине: *Коляда-моляда, // Не хошь ли пирога? // Не ломай, не ломай, // Весь подавай! // Коляда, коляда, // Поддай нам пирога!..* [Шаповалова, Лаврентьева 1985, № 2]. Такое распределение можно интерпретировать двумя способами. С одной стороны, незначащая редупликация *коляда-моляда* может быть сближена с заумью, с бессмысленными сочетаниями, которые тяготеют именно к абсолютному началу текста (что особенно хорошо видно по считалкам, отчасти по магическим текстам). С другой стороны, *коляда-моляда*, скорее всего, близко аппозитивным сочетаниям вроде *чирей-пырей, чирей-Василий*, зачинам считалок (где редупликация вроде *Федя-медя* употребляется наряду со сложениями вроде *Андрей-воробей*). Можно повернуть дело и таким образом: *коляда-моляда* является полной номинацией, а *коляда* — свернутой, именно поэтому в начале текста должна стоять *коляда-моляда*.

Такая дискурсивная особенность напоминает номинацию героя популярной исторической песни, который в большом количестве текстов при первом упоминании называется *Кострюк-Мастрюк*, а далее часто просто *Кострюк*. Кроме того, история возникновения рифмованного сочетания *Кострюк-Мастрюк* довольно поучительна с точки зрения соотношения синхронии и диахронии. Это сочетание произошло от имени кабардинца Мамстрюка, шурина Ивана Грозного по второму браку царя, 1561—1569 гг. (хотя прототипом персонажа, возможно, стал его брат, Михаил). Мастрюком или Мамстрюком этот герой называется в абсолютном меньшинстве текстов (всего 4 текста из подборки, представленной в [Исторические песни], насчитывающей около 80 вариантов; *Мастрюк*, в частности, у Кирши Данилова). В имени *Кострюк-Мастрюк*, которым он называется в большем количестве текстов (14 из упомянутой подборки), первая часть, видимо, от диал. *кострюк* ‘осетр’. Правда, никакой семантической мотивации для именованного черкесского богатыря осетром в песне не обнаруживается, однако с точки зрения функционирования этого имени существенно другое — основное имя героя, без сомнения, *Кострюк* (причем оно является относительно «понятным»), а сочетание *Кострюк Мастрюк* уже может восприниматься как редуплицированная форма. Более того, можно предположить, что само появление *Кострюка* в имени героя связано с попыткой осмыслить непонятное чужеземное имя как редупликативную копию, образованную по продуктивной модели. Следующий этап жизни этого имени в фольклорном языке — переосмысление, в духе народной этимологии, в *Кострюк-Быстряк, Кострюк-Вострюк* и др.

Некоторый аналог *Кострюку Мастрюку* можно найти в *турзах-мурзах*, былинных иноэтнических противниках, татарах (мы обнаружили только фиксации в печорских былинах): *турзов-мурзов удалых* [Былины Печоры, № 21: 6]. Более устойчивым является второй компонент рифмованного сочетания (*мурзы*), а первый может варьироваться: *курзы-мурзы* [Там же, № 43: 180], *юрзы-мурзы* [Там же, № 275: 113], *косы-мурзы* [Былины Печоры и Зимнего Берега, СРНГ, 15: 92], хотя встречается и варьирование второго компонента: *турзы-урзы* [Былины Печоры, № 41: 83]. Видимо, источником этого наименования послужило тюркское слово *murza* ‘сын князя, дворянин’, которое достраивалось до рифмованного сочетания с помощью разных элементов — реже семантически прозрачных, как *косы*, а чаще вроде бы ничего не значащих, как *турзы*, *курзы*, *юрзы*. Возможно, так же построено и имя сказочного персонажа *Урза-Мурза* [Афанасьев 1957, № 212]; впрочем, имя *Урза* имеет в русском фольклоре и независимую фиксацию: *молода Урзамовна, мурзы дочи турскова* [Кирша Данилов, № 13, 120] — видимо, отца этой девицы следует называть *мурза Урза* (или *Урза-мурза*).

В мотивированной редупликации обычно можно выделить основу (т. е. слово, которое используется вне редупликации) и копию (ее еще называют редупликантом). В зависимости от относительного расположения основы и копии можно говорить о правой и левой редупликации. В русском языке более обычной является **правая редупликация**, где копия стоит после основы (как в разговорных повторах вроде *зелень-мелень*). Обычно в правой редупликации первый согласный основы заменяется на губной согласный (чаще всего это [м]). Вот примеры:

Гусли-мусли — в песне; далее, в результате переосмысления, *гусли-мысли* [Соколовы П, эпич., № 61; Дурново 1902].

Козёл-мазёл — термин в детской игре: влад. *козел-мозёл* ‘ямка, на которой стоит играющий в клюшки’ [СРНГ, 14: 58], *козёл-мазёл* — выражение, употребляемое в детской игре [СРНГ, 17: 295]. Возможно, это название связано с вят. *козлы* ‘игра в бабки’, влад. *козёл* ‘игральная кость при игре в бабки’ [СРНГ, 14: 58].

Коклюшка-маклюшка — из шуточной песни: *Под коклюшкой-маклюшкой трава выросла, Под коклюшкой-маклюшкой клушка вывела детей*, Черномор. Астрах. [СРНГ, 14: 89]; *коклюшка* — разные палки, например в ткацком стане.

Коршин-моршин — ‘коршун’ (дон., *прилетел ко мне* ~ [СРНГ, 15: 33]).

Служеньки-маженьки — Орл. Вят. из сказки: *Вот она [Марья-царевна] вышла на крылечко... и зыкнула: — Служеньки-маженьки, как тыленьке и мамоньке служили, так и мне послужите* [СРНГ, 17: 292]. Судя по всему, *служеньки* < *служаньки* (с совершенно регулярным для этого региона переходом [а] > [е] между мягкими согласными). Такая же замена безударного [у] на [а], что и в *усени-масени* (см. выше).

Шендрики-мендрики — Черномор. Астрах. *Васильева мати пошла шендровати; шендрики-мендрики — дайте нам вареники* [СРНГ, 18: 108].

Надо так понимать, что *шендрики* — это те, кто *шендрует* (*щедровать* — ходить в канун Нового года ватагами по домам; то же, что в канун Рождества *колядовать*).

Шурин-мурин — в припеве троицкой хороводной песни из Приморского края: *шурин-мурин верхотурин, кранты-вьянты первеянты, первеюшки-покмелюшки, ой, милая моя!* [Болонев, Мельников 1981, № 440].

На материале считалок, благодаря его многочисленности, можно наблюдать определенную иерархию использования фонем для замены инициали в редупликанте: чаще всего это [т], несколько реже другие губные ([б], реже [в] и в двух словах [р]), а также сонанты, прежде всего [j]. Самой продуктивной является, конечно, м-редупликация: *один модин, сахар-махар, тетерки-митерки, стульчик-мульчик, цыган-мыган, коля-моля, факел-макел, вера-мера* [Виноградов 1999], моск. *квашня-машня* [Дурново 1902], белозер. *соломина-моломина* [Морозов и др. 1997: 176], белорус. *сахар, махар* [Барташэвіч 1972, № 874], укр. чернов. *сахар, махар* [Топорков 1998, 56]. Примеры с другими губными согласными: *зелень-белень, сахар-бахар* (ср. также белор. брест. *сахар-бахар* [Там же, 5в]), *злото-бото, радуга-бадуга, стульчик-бульчик, Серега-берега, ива-бива, солома-волома, сеня, веня, сени-вени, ангель-вангель, навел-вавел, пузо-вузо, солома-полома, вера-пера* [Виноградов 1999]. Примеры j-редупликации довольно редки — *стульчик-юльчик* [Там же], *колобень-ялобень* [Якобсон 1979], ср. *На колобень, на елобень* в волог. считалке [СРНГ, 14: 143]. Самый распространенный пример j-редупликации — *соломина-яломина* [Дурново 1902; Виноградов 1999], белорус. *саломіна, яломіна* (Барташэвіч 1972, № 902); этот пример замечателен также своими трансформациями — диссимиляцией сонантов ($l - l > l - r$) в *соломинка-яреминка* [Виноградов 1999], белор. *саломінка, яромінка* (№ 796), и последующей вторичной ассимиляцией этих сонантов ($l - r > r - r$) в *соромина-еромина* [Там же]. Аналогичный случай ассимиляции сонантов, которая следует за их диссимиляцией, обнаруживается в **корень-морень > калуж. корень-молень* (с диссимиляцией) [Дурново 1902] $>$ моск. *колень, молень* (с ассимиляцией) [СРНГ, 14: 125]. В считалках можно выделить и другие типы правой редупликации, которые мы не будем здесь рассматривать из-за их крайней непродуктивности и нерегулярности.

Те же закономерности образования правой редупликации обнаруживаются и в детских дразнилках. Продуктивных моделей всего две: 1) м-редупликация: казан., вят., карельск., тульск. *Федя-медя* (в детской считалке, дразнилке *Федя-медя съел медведя* [СРНГ, 18: 75; Виноградов 1998: 701, 703]), *Коля-моля* [Там же: 699], *Шура-мура* [Там же: 699], *хохлы-мохлы* [Там же: 704], *цыган-мыган* [Там же: 701]; 2) б-редупликация: *Анна-банна* [Там же: 695, 697, 698], *Алеша-балеша* [Там же: 698], *Шурка-бурка* [Там же: 701], *Сергей-бергей* [Мартынова 1997: 291], *Вадя-Бадя* [Янко-Триницкая 1968]. Обнаруживается также р-редупликация: *Федя, редя* (Тотем. Волог., 1899 [СРНГ, 35: 25]). Аналогичные примеры есть в польских

дразнилках: *Ewa mewa* [Simonides 1985: 182], *Ela, mela* [Ibid.: 181], *Anabana* [Ibid.: 174], *Franc banc* [Ibid.: 183], *Jurek, burek* [Ibid.: 193], *Karel, Karel, barel...* *Karla, barla...* [Ibid.: 193], *Ajtel, Fajtel* [Ibid.: 173].

Существуют и обратные случаи, называемые **левой редупликацией**, когда редупликант ставится перед основой, как в сибирской колядке *Шахнул, махнул правой рукой* [Болонев и др. 1997, № 9]. Они сравнительно немногочисленны в русской традиции, будучи более характерными для белорусского и украинского фольклора. Так, Н. Н. Дурново приводит примеры *шейна-война* и *шень-пень* из Белорусских пословиц Носовича, последний пример находим также в белорусской считалке: *Шэнь-пень, я — вергень* [Барташэвіч 1972, № 882]. У Дурново также фигурирует пример *шуги-луги* из песни (*Ой зайду ж бо я в шуги-луги*), место бытования которой не указано, однако, судя по частице *бо*, это малороссийский текст. Нет у Дурново никаких указаний на происхождение сочетания *шуря-буря* «из песни про комара», однако можно предположить, что оно взято из украинской песни (ср. укр. *шуря-буря* ‘вихрь’ [Гринченко, IV: 520]). Это же сочетание, с регулярным для белорусского языка отвердением [r], фигурирует также в белорусской детской песенке про комара: *Наляцела шура-бура, камарочка з ліста здула* [Барташэвіч 1972, № 249]; *Скуль узяліся шуры-буры, узялі таго камарыка з дуба здулі* [Там же, № 436]. Видимо, из этого сочетания происходит фамилия *Шурабура*. Судя по тведрому [r], из белорусского языка заимствовано сочетание *шуры да буры* в «волочечной» песне из Андреапольского района *Как поднялися шуры да буры, Шуры да буры — мелкие дожди!* [Шаповалова, Лаврентьева 1998, № 113]³.

Считалки содержат так много примеров редупликации, что оказываются единственным жанром русского фольклора, где достаточно регулярно представлена даже левая редупликация: прежде всего очень распространенное сочетание *шишел, вышел* (ср. также белорус. *шышал, вышал* [Барташэвіч 1972, № 794]) и его вариант *дышла, вышла* [Виноградов 1999]; другие примеры из Г. С. Виноградова: *тыкинь выкинь* (с разнообразными вариантами, такими как *дикинь выкинь, дыкинь выкинь, чикинь выкинь, зикинь выкинь, зыкинь выкинь*), *тарин-барин, тончик-звончик, шерба верба, шарин барин, шальчик-мальчик, чуха муха, жилезь вылезь, кондарь-бондарь* (мы слегка унифицируем довольно разнообразную пунктуацию примеров, прежде всего исключая запятые).

Легко заметить, что левая редупликация встречается только у слов, которые начинаются на губную согласную фонему. Правая редупликация с

³ Другие, нефольклорные примеры левой редупликации: новос. *шура-мура* ‘нежные вещи, хлам’ [СРГНО: 600]; *шалтай-болтай* оренб., сибир. ‘пустая болтовня, чушь’ [Даль, 4: 639]; оренб. *шолты-болты* ‘вздор, пустяки, пустословие’ [Даль, 4: 639; Фасмер, 4: 466]. Вторая часть, несомненно, из *болтать*; первая часть, возможно, связана с псков. *шалтать* ‘болтать, лепетать (о детях)’ [Даль, 4: 638], см. [Фасмер, 4: 400].

использованием губных фонем в одних случаях вообще невозможна (*махнул-махнул* было бы просто неотличимо от точного повтора), а в других случаях не обеспечивает достаточного контраста (например, в *вышел-мышел*, хотя такой повтор и встречается иногда в считалках, или в **махнул-вахнул*). Это подтверждает высказанное выше наблюдение о том, что механизм диссимиляции объясняет строение неточной редупликации.

3. Немотивированная редупликация. Ясно, что фонетические закономерности строения рифмованных сочетаний свободней всего проявляются в немотивированной редупликации. Она прежде всего характерна для таких текстов и фрагментов текстов, в которых фонетика играет более значительную роль, чем семантика. В песне это прежде всего «заумный» зачин или рефрен:

Кушивáры, мушивáры (< кашевáры) — смол. песня *Кушивáры, мушивáры, Извозчики, винерáлы, Ох и тые чернецы* — московские подлэцы [СРНГ, 16: 195].

Шалаги-малаги — Тихвин. Новг., припев: *Шалаги-малаги, ходила по мосту, белому погосту* [СРНГ, 17: 317].

Бессмысленные припевы в необрядовых лирических песнях исследуются в статье [Федорова 1981]. Заумные рефрены (в частности, рифмованные сочетания *шилды булды, шевалды балды, тифиль яфель, ширин да бирин, ширин да вирин*) характерны для песен эротического содержания. В. П. Федорова довольно естественно объясняет эту особенность тем, что заумь «являлась заменой слов, которые каждый из слушателей мог подставлять по-своему» [Федорова 1981: 41], т. е. своего рода эвфемизмом. Для исследования взаимосвязи жанров и использования рифмованных сочетаний в разных жанрах довольно существенно, что эти же сочетания отмечены в современных считалках (*шилды булды, Тифиль Яфель, ширин вырин*).

Особую прагматику имеет заумь в магических текстах: она сигнализирует о принадлежности текста к другому, магическому миру. Для этого достаточно пограничного сигнала, зачина. Много примеров заговорной зауми содержится в статье «Заумь» словаря славянских древностей [Левкиевская 1999], в частности довольно характерное рифмованное сочетание *сарандара, сарандара, марандара, марандара* из болгарского заговора от укуса змеи [Там же: 280]; в чешском народном театре черт говорит *гурды-бурды, герциум-перциум* [Богатырев 1971: 144—146]. В записных книжках Е. Замятина 1919—1920 гг. фигурирует цыганский заговор, который начинается со слов *Харлан-барлан, Денис-Борис* [Замятин 2001: 39]. Что касается собственно русской традиции, можно отметить такой интересный жанр, как пародия на заговор в сказке. В одном из вариантов сказки «Солдатская загадка» у Афанасьева солдат дает бабе зуб со следующей инструкцией: *Станешь ци мешать, приговаривай: «Шуні да буні, будьте ци солоні!»*. Муж придет, будут шлепанцы-хлопанцы. Вернувшийся муж, в сердцах колотя ложкой по жене, приговаривает *шуні да буні, да солоно буди* (Ветл. Костром., [СРНГ, 34: 170]).

Невероятно много примеров считалок с заумным зачином, часто содержащим характерные рифмованные сочетания вроде *шуни-буни*, *чокон-бокон*, *аболь-фаболь*. Предполагается, что считалка генетически восходит к заговору и, соответственно, заумный зачин считалки имеет то же магическое происхождение. Естественно, к заговору / считалке близки и такие микротексты, как «присказка в игре при угадывании количества часов до вечера»: яросл. *Чечелю, помечелю, долго ли до вечера* [Мельниченко 1961: 215].

В считалках бессмысленные сочетания вроде *эники-беники* подчас осмысляются как имена. Точно так же в пограничном состоянии между бессмыслицей и номинацией находятся заумные слова, которые используются как субститут загаданного слова в загадке, например *пришла кувахта, просит мутавта* ‘баба и цеп’ (без указ. места, [СРНГ, 15: 389]), *пошел я на тухтухту, взял с собой тавтавту* ‘охота, собака’ [Мартынова 1997, № 1752]. В русской загадке *Пришел шуру-муру, унес чики-брики* [Там же, № 1751] речь идет о волке и овце (в украинском варианте овца обозначается как *итрики-брики*, в польском как *skiki-bryki*). Кроме того, волк обозначается как *жалта-балта* [Гура 1997: 35]. Те же функции может выполнять немотивированная редупликация и, к примеру, в болгарских загадках, где *гънда-мънда* обозначает овцу [Георгиева-Стойкова 1961: 36—37]. Другие примеры редулицированных форм в загадках:

Далда-балда — укр. в загадке ‘свинья’ [Гринченко, I: 356]; от *балда* ‘большой топор’, ‘неуклюжая, неповоротливая женщина’ [Там же: 24].

Коктырек, моктырек — в загадке про телегу: *четыре стукоты, четыре брякоты, два коктырька, два моктырька, да еще коктырек, да еще моктырек* (Ялутор. Тобол., [СРНГ, 14: 103]).

Кохтырь-нохтырь — Чебокс. Казан., из скупой атрибуции «в загадке» нельзя понять, что замещается этим сочетанием [СРНГ, 15: 121].

Курган мурган — видимо, в загадке про овес: *На кургане, на мургане стоит курица с серьгами* (Мещов. Калуж., [СРНГ, 18: 353]). Этот повтор предлогов — типичный для языка фольклора повтор предлогов внутри именной группы вроде *во уста в сахарные, во городе во Киеве*. Однако это означает, что *курган-мурган* является скорее не словоформой, а словосочетанием⁴. Другие варианты этой загадки: *На кургане-вергане стоит курочка с серьгами* (овес, [Морохин 1986: 308]), *На кургане-варгане стоит курочка с серьгами* (овес, [Там же]).

Мотовило котовило — новг. ‘вихрь’ [СРНГ, 15: 109]; *мотовило, косовило* том. ‘гром’ [Там же: 62]. Оба эти названия являются яркими исключениями из законов строения рифмованных сочетаний (т. к. губная фонема здесь стоит в начале первого, а не второго слова).

Сусяно, мусяно — ‘радуга’: *Сусяно, мусяно, до небу протянуто* [СРНГ, 18: 365]. Видимо, мотивировано словом *сусло*.

⁴ Еще один пример разорванной редупликативной формы: *всяку шушеру, всяку мушеру* (из волог. заговора на скот, [Адоньева 1993: 146]).

Чирандо-выранто — сев.-рус. ‘ручей’. Заумным это сочетание стало только в русской языковой среде, т. к. этимологически оно представляет собой сочетание квазисинонимичных карельских корней *cirize*, *verand* ‘трещать, звучать’, т. е., возможно, парный глагол [Орел 1977: 321].

Шитавила-битавила — моск. ‘сорока’, далее могилев. *шылдавила-былдавила* [Дурново 1902]; так же, *шитовило-битовило* или *шитовило-мотовило*, называлась в восточнославянских загадках ласточка [Гура 1997: 630; Мартынова 1997, № 1771]. В [Левкиевская 1999] было высказано предположение, что название ласточки *шитовило-мотовило* мотивировано ее быстрыми движениями (она, видимо, *мотается*); к сожалению, это предположение не удастся экстраполировать на всю группу сходных номинаций — *мотовило*, *мотовило котовило / косовило* (см. выше), *шило-мотовило*. Самое непосредственное сходство с *шитовило мотовило* имеет, конечно, сочетание *шило мотовило*; можно предположить, что *шило мотовило*, чтобы подстроиться под стандартную редупликативную модель, преобразовалось в *шитовило мотовило*. Все загадки с мотовилом имеют очевидное текстуальное сходство⁵: *Шитовило, битовило, по-немецки говорило; спереди — шильце, сзади — вильце* [...] (ласточка, краснаяр., [Морохин 1986: 349]), *Шило мотовило под небеса подходило, по ниточке говорило* (змея); *Шило мотовило, по-немецки говорило, в небеса уходило* (журавль, с примечанием к интересующему нас сочетанию — «клюв, шея»); *Кумово мотовило под небеса уходило* (дым) [Даль, 2: 358], *Кривое мотовило под небеса уходило, по-немецки говорило, по-татарски говорило* (журавль) [Мартынова 1997, № 1779]; *Мотовило котовило под небеса полетело, по-немецки говорило* (вихрь) [СРНГ, 15: 109]; *Мотовило, косовило по поднебесью ходило, всех устрашило* (гром) [Там же: 109]. В одном тексте мы встречаем точный повтор на месте ожидаемой редупликации: *Мотовило, мотовило, под небеса уходило; шло да шло и домой пришло* (очеп у колодца, волог. [Морохин 1986: 342]. Можно обобщить приведенные тексты следующим образом: *мотовило* передвигается *под небеса* и говорит на иностранном языке. Видимо, для правильной интерпретации этих текстов нужно обратиться к значению самого слова *мотовило*. Это слово в славянских языках прежде всего обозначает приспособление для сматывания пряжи с веретен, самый простой тип этого устройства — палка с перекладной на одном конце и развилкой на другом, основное переносное значение — ‘неловкий или непостоянный человек’, связанное прежде всего с *мотаться*; однако зафиксирован и несколько иной путь переосмысления мотовила — рус. диал. арханг. и карельск. ‘высокий тонкий человек’ [СРНГ, 18: 299]. Загадки, несмотря на текстуальную близость, несколько по-разно-

⁵ Ср. отклоняющиеся от общей модели тексты: *Шило-мотрошило без углов избу сомшило* (ласточка гнездо свила) [Мартынова, Митрофанова 1986, № 595]; *Шило-мотовило, под землей ходило, перед солнцем стало и шляпу сняло* (гриб) Ишим. Тобольск. [СРНГ, 18: 299].

му используют метафору мотвила: резко расщепленный хвост ласточки напоминает развилку мотвила, а длинная шея журавля напоминает мотвило просто как длинную палку; для большинства загадок, как для диалектного значения 'высокий тонкий человек', существенно то, что мотвило — длинная тонкая палка (и этим она напоминает змея, дым, оцеп).

Шурки-юрки — моск., 'брусок' [Дурново 1902].

Можно предполагать, что рифмованные сочетания были характерны для речевых жанров вроде скороговорок, произносимых шулером на рынке. Нам известно два таких примера из записей Е. Иванова (начало XX в.):

Ходите, гуляйте дальше, звезды считайте, воробьев не пропускайте, а ворону увидите — за курицу не примите! Ха-ха-ха! Курица да ворона — сходственные меж собой, пернатое царство. Шурьга-мурьга, хлеба коврига, а я... (пропуск в записи ввиду быстроты произносимых слов) [Иванов 1982: 161] (видимо, редупликация от *шурьга* 'непутный человек, негодяй, ёра, мошенник' [Даль, 4: 669]; впрочем, возможно, это сложение со словом *мурьга* 'хмурый, надутый человек' [СРНГ, 18: 361]).

Шла барыня с кавалером, сделала шик-мык, никому не говори, старик, что обманываю — на водку дам [Иванов 1982: 159].

Не беремся здесь строить предположения относительно того, что именно сделала указанная барыня, однако такое употребление кажется возможным характеризовать как эвфемистическое. Эвфемизм подобен субституту в загадке, т. к. не отсылает к значению непосредственно, а заставляет его восстанавливать; бессмысленные слова, в частности немотивированная редупликация, довольно естественны в этой функции.

Эвфемизм *килди-милди* 'причинное место' известен из текста Кириши Данилова: *Пустился недуг с сердцу — а пониже ее пупечка да повыше колечка, между ног килди-милди* [Кириша Данилов, № 2, 50, 51]; тюркская этимология изложена в [Аникин 2000: 288]. Рифмованное сочетание *толды-вселды* также употреблено в эротическом контексте: переодетая жена боярина Ставра Годиновича так объясняет мужу, который ее не узнает: *А доселева мы с тобой свайку игравали: у тебя-де была свайка серебрянная, а у меня кольцо позолоченное, — и ты меня поигрывал, а я тебя — толды-вселды!* [Кириша Данилов, № 15, 139]. Как пример редупликации в качестве эвфемизма в современном разговорном языке можно привести устойчивое выражение *в рот меня чих-ных* ≈ 'черт меня подери'; ср. *чих-ных* 'раз-раз, шлёп-шлёп и т. п. (в знач. быстро, тотчас)' [Елистратов 2000: 539].

4. Между парными словами и редупликацией. В некоторых рифмованных сочетаниях один из элементов, имея независимую мотивацию, трансформируется, чтобы удовлетворять требованию рифмы.

Например, в русском фольклоре отмечено рифмованное сочетание *няньки-маньки*, вторая часть которого является словом *мамки*, фонетически модифицированным под влиянием первой части. В частности, это сочетание обнаруживается в исторической песне о князе Михайло: *И со нянькам, и со Манькам, // И со верным служжанкам ...* [Соколовы II, № 8,

№ 9]; форма *няньки-маньки* также несколько раз встречается в сказке про Царевну-лягушку, записанной Афанасьевым в Шадринском уезде Пермской губернии (№ 267):

- (1) *Как уснул Иван-царевич, она вышла на улицу, сбросила козюх, сделалась красной девицей и крикнула: «Няньки-маньки! Сделайте то-то!». Няньки-маньки тотчас принесли рубашку самой лучшей работы;*
- (2) *А лягушка хитрая... вышла на крыльцо, вывернулась из козюха и крикнула: «Няньки-маньки! Состряпайте сейчас же мне хлебов таких, каки мой батюшка по воскресеньям да по праздникам только ел». Няньки-маньки точас притащили хлеба.*

Несмотря на лаконичный комментарий А. Н. Афанасьева к этому сочетанию («мамки»), в целом ряде работ оно рассматривается как редупликация. В первых статьях, посвященных редупликации («искусственному образованию парных слов») в русском языке ([Джафар 1900] и [Кримский 1928]), объяснение *маньки* из *мамки* приравнивалось к народной этимологии; Н. Н. Дурново тоже вслед за М. Джафаром относит *няньки-маньки* к сочетаниям с «искусственно образованным парным словом» [Дурново 1902: 267]. Сочетание *няньки-мамки* в этих статьях не упоминается, однако оно как раз и должно было бы демонстрировать результат переосмысления редупликации (например, *гусли-мысли* объясняются Н. Н. Дурново как сочетание, возникшее «путем переосмысления» из отмеченного наряду с ним *гусли-мусли*). Далее, Ю. Плэн даже совершил подмену и привел сомнительную на русский слух форму *няньки-мяньки* [Plähn 1987], которую повторил В. И. Беликов [Беликов 1990].

В сочетании *няньки & мамки* представлено какое-то из устаревших и диалектных значений слова *мамка* — ‘кормилица, женщина, кормящая грудью не свое дитя’, ‘старшая няня, род надзирательницы при малых детях’ [Даль, 3: 302]: «*Няньки, мамки воротитесь...*» // *Няньки, мамки воротились* [Соколовы II, № 9]; в колыбельных — *няньки да мамки* [Мартынова 1997, № 123], *нянькам да мамкам* [Там же, № 123]. Следует отметить, что рефлекс **татька* в значениях ‘кормилица’, ‘нянька’ так или иначе существовали или существуют также в чешском, польском, словенском, украинском и белорусском, что позволяет предположить достаточную древность такого семантического развития. Похожее сочетание *тяньки & маньки* есть в песне о князе Михайло: *либо тяньки, либо мамки; и со тянькам, и со манькам* [Соколовы II, № 9]. Еще чаще фиксируется сочетание *нянюшки & мамушки*: в песне про Соловья Будимировича *Гой еси, нянюшки и мамушки, красные сенные девушки! Отвечают нянюшки-мамушки и сенья красныя девушки* [Кирша Данилов, № 1, 45]; в других песнях *нянюшки-мамушки* [Там же, № 32, 255; № 51, 312]; в колыбельных — *нянюшек и мамушек* [Даль, 3: 302], *нянюшки, мамушки* [Мартынова 1997, № 17, № 21, № 121, № 131], *нянюшек-мамушек* [Там же, № 81], *своим нянюшкам, своим*

мамушкам [Там же, № 86], *уж вы нянюшки, уж вы мамушки* [Там же, № 99], *нянюшки и мамушки* [Там же, № 21]. Иногда это сочетание выступает с другим порядком элементов. Так, в следующем варианте цитированной выше сказки (№ 269, Саратовская губ.) у А. Н. Афанасьева фигурируют *мамки-няньки*; в колыбельных отмечены *мамушки, нянюшки* [Там же, № 65], *мамушкам, нянюшкам* [Там же, № 125], *матушкам, нянюшкам* [Там же, № 25].

В сочетании *няньки-маньки* мягкая фонема [н'] рифмуется с твердой [м]. То же соотношение представлено в сочетаниях из считалок: *дикинъ выкинъ, зикинъ выкинъ* (ср. более распространенные варианты *чикинъ, выкинъ* и *тыкинъ выкинъ*), *титкин, мыткин*, а также в шутливой присказке *люди-муди*, в детском *тётя-мотя* — во всех этих случаях парные мягкие зубные фонемы рифмуются с твердым губным. Возможно, следует особо выделить случаи, когда за мягкими согласными следуют гласные переднего ряда, — видимо, *м-редупликация* от них затруднительна в русском языке: совершенно естественно образуются *зелень-мелень, пиво-миво, липтон-миттон* (ср. также укр. *хвиги-миги* [Джафар 1900]), но довольно сомнительно звучит *сёмга-мёмга* или придуманные Плэном *няньки-мяньки* (но допустимо *пряники-шманики* [Земская и др. 1983: 193]).

Итак, *няньки-маньки* относятся к тому типу рифмованных сочетаний, который точно обозначен в статье Н. Н. Дурново как смешение двух основных моделей (редупликации и сложения, согласно современной терминологии): «существующий синоним к известному слову несколько искажается для большего сходства» [Дурново 1902: 267]. Возможно, какую-то роль здесь сыграло и наличие уменьшительной формы распространенного имени *Манька* (ср. использование заглавной буквы в записи Соколова — *и со нянькам, и со Манькам* [Соколовы II, № 8]).

По крайней мере для русского языка характерно изменение именно второго слова под воздействием первого («в рифму» к нему): например, в русских разговорных словах *каляка-маляка* и *каракуля-маракуля* второй элемент образован в рифму к первому (от корней, представленных в глаголах *малевать* и *марать*), причем если в одном случае выделяемый формант вроде бы является суффиксом (*-яка*), то в другом случае это явно бессмысленный «обломок» (*-куля*). Такие же бессмысленные обломки выделяются в разговорных сочетаниях *мастер-лома.стер, страсти-морд.асти*, в составе слова *любов.есть* (*не по совести, ни по любовести* [Киреевский, № 71]).

Тот факт, что второе слово является прежде всего рифмой к первому, проявляется не только на формальном, но и на семантическом уровне. Употребление второго слова часто не имеет или почти не имеет семантической мотивации. Ср., например, сочетание *салатики-мулатики*, которое приводится в [Янко-Триницкая 1968]. В рифмованных прозвищах, а также в зачине «дразнилок» и «издевок» наряду с мотивированными, явно обидными словами (вроде *Лиза-подлиза, Аркашка-таракашка*) нередко используются слова довольно неожиданные, для использования которых, как кажется, не так много семантических оснований (материал приводится по

[Виноградов 1998]: *Андрей-воробей* (№ 55, № 96), *Андрюшка-индюшка*, *Андрей-индей* (№ 1), *Федар-бобар* (№ 84), *Алеха-лепеха* (№ 61), *Любка-юбка*, *Мишка-шишка* (№ 10).

Правда, существуют и примеры обратного влияния: это приведенные у Н. Дурново сочетания *шаловать* и *баловать* (из песни: *Как повадился Параня шаловать и баловать...*) и *шатель-мотыль*. Корень *шал-*, который обычно выступает в составе *и*-глагола (*шалить*), в соседстве с глаголом *баловать* приобретает суффикс *-ова-*; а *шатель* содержит корень *шат-* (*шататься*) и редкий суффикс *-ыль*, выбранный в рифму к *мотыль*. В этих примерах влияние происходит справа налево, чем они очень напоминают левую редупликацию. Важно подчеркнуть, что напоминают они левую редупликацию и формально: «основа» тут начинается с губного согласного, а «копия» (вторичный элемент) — с шипящего (как и в случаях вроде *шишел-вышел*, *шуря-буря*, *шень-пень*).

5. Выводы. Редупликация обычно рассматривается в рамках трансформационного подхода (как операция — [Steriade 1988; Мельчук, III: 48—61]) или в рамках аддитивного (копия является своеобразной морфемой — [Блумфильд 1968: 325; Marantz 1982]). Оба подхода, как нам кажется, не позволяют естественным образом объяснить структурность рифмы.

Объяснение, вскрывающее структурную общность редупликации и сочетаний, можно выдвинуть в рамках концепции, которая представляет собой современное генеративное описание фонологии и морфонологии, а именно в теории оптимальности [Зубрицкая 2002: 200—203]. В генеративной лингвистике интерес к редупликации возник в восьмидесятые годы, когда трансформационное описание редупликации стало сомнительным, потому что сомнению была подвергнута объяснительная сила трансформаций. Описание стало строиться как классификация ограничений, которые накладываются на множество возможных структур (это историческое изменение называется переходом от теории правил к теории представлений). Таким образом, в теории оптимальности именно поверхностные ограничения (например, наличие рифмы) порождают наблюдаемые формы. Использование понятий операции или редупликативной морфемы становится необязательным для теории.

Автор очень благодарен А. С. Архиповой за ценные примеры и наблюдения, которые вошли в эту статью.

Л и т е р а т у р а

Адоньева 1993 — Традиционная русская магия в записях конца XX века / Сост. С. Б. Адоньева. СПб., 1993.

Ананичева и др. 2001 — Детский фольклор. Частушки / Вступ. ст., сост., коммент. Т. М. Аничевой, Е. Г. Борониной и др. М., 2001.

Аникин 1957 — В. П. А н и к и н. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957.

Аникин 2000 — А. Е. А н и к и н. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М.; Новосибирск, 2000.

Афанасьев 1957 — Русские народные сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1957.

Барташэвіч 1972 — Дзіцячы фальклор / Сост. Г. А. Барташэвіч. Мн., 1972.

Беликов 1990 — В. И. Б е л и к о в. Продуктивная модель повтора в русском языке: Материал для обсуждения // *Russian Linguistics*. 1990. Vol. 14. С. 81—86.

Бессонов 1868 — П. Б е с с о н о в. Детские песни. М., 1868.

Блумфильд 1968 — Л. Б л у м ф и л ь д. Язык. М., 1968.

Богатырев 1971 — П. Г. Б о г а т ы р е в. Народный театр чехов и словаков // Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

Болонев и др. 1997 — Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока. Песни. Заговоры / Подгот. Ф. Ф. Болонев и др. Новосибирск, 1997.

Болонев, Мельников 1981 — Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / Сост., вступ. ст. и прим. Ф. Ф. Болонева и М. Н. Мельникова. Новосибирск, 1981.

Былины Печоры / Подгот. В. И. Еремина и др. СПб.; М., 2001. (Свод русского фольклора: Былины: В 25 т.).

Виноградов 1998 — Г. С. В и н о г р а д о в. Детская сатирическая лирика // Русский школьный фольклор. М., 1998. С. 675—710.

Виноградов 1999 — Г. С. В и н о г р а д о в. Детские игровые прелюдии // Страна детей: Избр. тр. по этнографии детства. СПб., 1999. С. 141—390.

Георгиева-Стойкова 1961 — С. Г е о р г и е в а - С т о й к о в а. Български народни гатанки. София, 1961.

Герд — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Петрозаводск, 1994—. Т. 1—.

Гринченко — Б. Д. Г р и н ч е н к о. Словарь украинского языка. Т. 1—4. Киев, 1907—1909.

Гура 1997 — А. В. Г у р а. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Даль — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Т. 1—4. СПб.; М., 1880.

Джафар 1900 — М. Джафар. Об искусственном образовании парных слов (*Reimwörter*) // Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера, изданный его друзьями и почитателями / Под ред. Н. Я. Янгука. М., 1900. С. 311—313.

Дурново 1902 — Н. Н. Д у р н о в о. Мелкие заметки по русской диалектологии // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1902. № 6. С. 257—268.

Елистратов 2000 — В. С. Е л и с т р а т о в. Словарь московского арго. М., 2000.

Замятин 2001 — Е. З а м я т и н. Записные книжки. М., 2001.

Земская и др. 1983 — Е. А. З е м с к а я, М. В. К и т а й г о р о д с к а я, Н. Н. Р о з а н о в а. Языковая игра // Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.

ЗиЗП — Заговоры и заклинания Пинежья. Карпогоры, 1994.

Зубрицкая 2002 — Е. З у б р и ц к а я. Фонология // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М., 2002. С. 168—206.

Иванов 1982 — Е. И в а н о в. Меткое московское слово. М., 1982.

Исторические песни — Исторические песни XIII—XIV вв. М.; Л., 1960.

Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, изданные Киршею Даниловым. СПб., 2000.

Киреевский — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Т. 2: Записи П. И. Якушкина. Л., 1986. [После номера текста, если текст достаточно большой, указан номер строки.]

Кримський 1928 — А. Е. К р и м с ь к и й. Калач-малач, кішміш-мішміш // Розвідки, статті та замітки. Київ, 1928. С. 139—148.

Левкиевская 1999 — Е. Е. Л е в к и е в с к а я. Заумь // Славянские древности. Т. 2. М., 1999. С. 279—282.

Мартынова 1997 — Детский поэтический фольклор: Антология / Сост. А. Н. Мартынова. СПб., 1997.

Мартынова, Митрофанова 1986 — Пословицы. Поговорки. Загадки / Сост. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. М., 1986.

Мельниченко 1961 — Г. П. М е л ь н и ч е н к о. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

Мельчук — И. А. М е л ь ч у к. Курс общей морфологии. Т. 2, 3. М.; Вена, 1998, 2000.

Морозов и др. 1997 — И. А. М о р о з о в и д р. Духовная культура северного Белозерья. М., 1997.

Морохин 1986 — Малые жанры русского фольклора: Хрестоматия / Сост. В. Н. Морохин. М., 1986.

Орел 1977 — В. Э. О р е л. К объяснению некоторых «вырожденных» славянских текстов // Славянское и балканское языкознание: Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977. С. 318—324.

Плунгян 2000 — В. А. П л у н г я н. Общая морфология. М., 2000.

Померанцева 1973 — Традиционный фольклор Владимирской деревни / Под ред. Э. В. Померанцевой. М., 1973.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—. Л., 1967—.

Рожанский 2000 — Ф. И. Р о ж а н с к и й. Редупликация в языках Западной Африки // Основы африканского языкознания. М., 2000. С. 344—412.

Соколовы П — Сказки и песни Белозерского края: Сборник Б. и Ю. Соколовых. Т. 2. СПб., 1999.

СРГНО — Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Л., 1965—. Т. 1—.

Тихонравов 1858 — Н. С. Т и х о н р а в о в. Владимирский сборник: Материалы для статистики, этнографии и археологии Владимирской губернии. М., 1858.

Ткаченко 1979 — О. Б. Т к а ч е н к о. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979.

Топорков 1998 — А. Н. Т о п о р к о в. Заумь в детской поэзии // Русский школьный фольклор. М., 1998. С. 578—604.

Фасмер — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1986—1987.

Федорова 1981 — В. П. Ф е д о р о в а. Особый тип припева в необрядовых лирических песнях // Русский фольклор. 21. Поэтика русского фольклора. Л., 1981. С. 38—46.

Шаповалова, Лаврентьева 1985 — Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г. Г. Шаповалова, Л. С. Лаврентьева. Л., 1985.

Шаповалова, Лаврентьева 1998 — Жили-были... / Сост., авт. ст. и коммент. Г. Г. Шаповалова и Л. С. Лаврентьева. СПб., 1998.

Якобсон 1979 — Р. Я к о б с о н. Новейшая русская поэзия // R. J a k o b s o n. Selected Writings. Vol. 5. The Hague; Paris; New York, 1979. С. 299—354. (Ср. также издание, где изъят фольклорный текст, содержащий нецензурное слово: Р. Я к о б с о н. Работы по поэтике. М., 1987. С. 272—316.)

Янко-Триницкая 1968 — Н. А. Я н к о - Т р и н и ц к а я. «Штучки-дрючки» устной речи // Рус. речь. 1968. № 4.

Malkiel 1959 — Y. M a l k i e l. Studies in Irreversible Binomials // *Lingua*. 8. № 2. 1959. P. 113—160.

Marantz 1982 — A. M a r a n t z. Re Reduplication // *Linguistic Inquiry*. 1982. Vol. 13. № 3. P. 435—482.

Plähn 1987 — J. P l ä h n. Хуйня-муйня и тому подобное // *Russian Linguistics*. 1987. № 11. P. 27—41.

Simonides 1985 — D. S i m o n i d e s. Ele mele dudki. Rymowanki dzeci śląskich Katowice, 1985. (Studium folkloristyczne).

Steriade 1988 — D. S t e r i a d e. Reduplication and Syllable Transfer in Sanskrit and Elsewhere // *Phonology*. 1988. 5. P. 73—155.

Thun 1963 — N. T h u n. Reduplicative Words in English. Uppsala, 1963.